

Проблема взаимосвязи понятий субъекта и власти в современных социальных теориях

Аннотация

В статье рассматривается диалектическая взаимосвязь понятий субъекта и власти в современных социальных теориях М.Фуко и Дж.Батлер. В обеих концепциях субъект анализируется с точки зрения исторических, социальных и психологических условий его возможности. В современных теориях власти насилие рассматривается как предел власти. Однако власть-авторитет изначально исключает применение силы, поскольку власть всегда сопровождается риском ее потери. Поэтому власть нуждается в оправдании, что выражается в поиске оснований ее легитимности. Субъект формируется дискурсом власти и одновременно противостоит ему. Потребность в подчинении власти заложена в субъекте в той же мере, в какой в нем заложена потребность в самовыражении и свободе действия. Власть становится уязвимой, когда механизмы ее влияния осознаваемы субъектом.

Ключевые слова: *субъект, власть, власть-авторитет, дискурс и контрдискурс власти*

В современных социальных теориях в начале XXI века много внимания уделяется обоснованию новой трактовки понятия субъекта. Особенностью этой трактовки является то, что субъект в отличие от индивида или личности рассматривается не как статическое, а скорее как динамическое понятие. Субъектом, как и личностью, не рождаются, им становятся в процессе социализации. Однако, если становление личности в классических концепциях социологии или социальной психологии рассматривалось как результат социализации, ее конечная точка, то субъект, исходя из современных концепций, никогда не завершает свое становление. Более того, остановка процесса фор-

мирования субъекта может рассматриваться как его “смерть”. Итак, предварительный вывод: субъективация — это процесс становления неких социальных и психологических свойств, который никогда не может быть завершен.

В западной философии, начиная с Декарта и Лейбница, тема субъекта познания и действия развивается в двух концептуальных направлениях: независимости и автономии. Тема независимого субъекта получает наиболее полное свое развитие в философии Ф.Ницше. Тема автономного субъекта находит свое воплощение в нравственной философии И.Канта. В современной немецкой философии идея автономности субъекта дополняется идеей креативной, “плавающей” идентичности субъекта, которая не является жестко фиксированной в определенных качествах и моделях поведения личности, а обладает способностью к изменениям в зависимости от ситуации действия.

Субъект классической философской традиции наделен следующими чертами: его сознание целостно, прозрачно для саморефлексии, доступно для понимания; мотивы действия субъекта в основном рациональны и утилитарны; мышление для субъекта является основной формой деятельности сознания, и именно в процессе мышления формируется субъект как самостоятельная независимая от внешних обстоятельств личность.

Разрушение классического образа субъекта начинается в философии Ф.Ницше и завершается в концепциях “смерти субъекта” постмодернистов. На место устойчивого набора личностных качеств субъекта или субъекта автономии, подчиненного долгу, приходит субъект желаний, субъект как процесс постоянных метаморфоз и изменений, реагирующий на изменяющийся внешний мир и переполненный подсознательными импульсами. В постструктурализме Ж.Лакана и в концепции идеологии Л.Альтюссера субъект практически поглощается в первом случае структурами языка, который подчиняет сознание субъекта понятийным матрицам восприятия, во втором случае — формируя свою идентичность в ответ на “оклик власти”. В обоих случаях за внешней независимостью субъекта скрыта готовность к подчинению либо власти, либо играм подсознания.

Можно сказать, что новый, диалектический образ субъекта в западной социальной мысли впервые оформляется в концепции исторического субъекта М.Фуко, а также в теории субъекции Дж.Батлер. В обеих концепциях субъект анализируется с точки зрения исторических, социальных и психологических условий его возможности. Субъект понимается не как существующая данность, а как определенная техника постижения своей идентичности, путь к самому себе, который могут пройти все, но в итоге проходят только немногие. Можно предположить, что только авторы современных концепций субъекта постигают диалектическую двойственность данного понятия. Основную “методологическую интенцию” этих современных концепций можно выразить так: субъект — это единственный настоящий предмет и объект наук о человеке и его поведении. Этот субъект формируется как “подлежащий”, подчиненный миру, и, одновременно с этим, субъект есть основа социального бытия, с помощью которой постигаются и строятся структуры социальной реальности.

Субъект формируется властью, и в диалектическом синтезе единственно субъект может противостоять той власти, которая его сформировала. Феномен власти сопровождает всю историю человечества. В любом протосоциальном сообществе, еще на уровне биологических стай, власть выражается в рас-

пределении между биологическими особями отношений главенства-подчинения. Такое распределение в биологии обусловлено необходимостью выживания стаи, адаптации ее в меняющиеся условия экосистемы. Если попытаться определить особенность власти в социальных отношениях, то можно заметить, что она никогда не была основана на одном физическом насилии. Превосходство даже самого сильного вождя всегда требовало легитимизации — то есть символического подкрепления, вербализованного через словесный дискурс, некоторого обоснования с опорой на высший, трансцендентный порядок. Божественное утверждает свою власть без риска потерять ее, поскольку авторитет Бога не подлежит сомнению. Власть, данная от Бога, по праву наследования была, безусловно, наиболее легитимной с точки зрения большинства. Однако в процессе секуляризации был разрушен механизм легитимации власти Божьей волей или, скорее, волей церкви как института-посредника между Богом и людьми. Отныне любая власть побуждает задать вопрос, почему она существует, то есть почему ее признают, претерпевая проистекающие от нее акты без негативной на них реакции.

Одним из возможных вариантов объяснения подсознательной готовности к подчинению является социальная теория Э.Фромма [Фромм, 2006; Фромм, 2011]. С его точки зрения, как и с точки зрения современной философской антропологии, потребность в ориентации заложена в человеке наряду с потребностями в эмоциональной привязанности и творчестве. Человек — существо, стремящееся к упорядочению окружающего мира. Отсюда — необходимость создания того, что в социологии называется социальным порядком, как естественная необходимость человеческой природы, поиск упорядоченной реальности в противовес окружающему хаосу, часто враждебному или, по крайней мере, безразличному к человеку с его жизненным инстинктом.

Другой проблемой человека как существа, живущего одновременно в двух реальностях — биологической и социальной, является разрыв тождественности субъекта. Субъект не равен самому себе, он не удовлетворен в своих базовых и социальных потребностях, поскольку в человеческой природе заложено стремление к большему, чем у субъекта имеется. В древности разрыв тождественности субъекта восполнялся формой природных кровных связей семьи, клана, рода. Такие связи обеспечивали чувство укорененности в бытии и принадлежности к чему-либо большему, чем его собственная индивидуальность.

Развитие западной культуры шло по пути создания основы для переживания индивидуальности во всей ее полноте. Ожидалось, что экономическое и политическое освобождение индивида, выработка у него навыков самостоятельного мышления и избавление его от авторитарного давления дадут ему возможность почувствовать *Я*, быть средоточием и активным субъектом своих сил и ощущать себя таковым. Но люди всегда искали и находили различные заменители подлинно индивидуального чувства тождественности. Нация, религия, класс и род занятий служат тому, чтобы дать человеку это чувство. В современном обществе различные виды идентификации обычно сопутствуют друг другу. В широком смысле слова, это идентификация с общественным положением. Люди хотят подчиняться установленному порядку отношений; это проявление подсознательного желания упорядоченности мира, в том числе социального.

Власть является некоей гарантией порядка, поэтому послушание власти заложено в человеческой социальной природе. Отсюда определение господства по М.Веберу — “шанс найти повиновение для специфического (или для любого) приказа у определенной группы людей” [Вебер, 2008: с. 31]. Однако эта возможность не может быть по существу чистой властью. Это признак наличия авторитета — власти высшего типа, которая не нуждается в применении силы для ее поддержания. В случае чистого типа обоснованной и легитимированной власти-авторитета — оппозиция никогда не покидает сферу возможности, то есть не переходит к активным действиям, не проявляет себя в реальной сфере. Как только оппозиция артикулируется — власть теряет свое преимущество и перестает быть властью-авторитетом, становится более слабой формой власти, вынужденной применять насилие для своего обоснования. Практически во всех современных теориях власти [Ледяев, 2001] насилие рассматривается как предел власти, показатель ее бессилия. Власть-авторитет изначально исключает применение силы. Она изначально легитимна, признана; непризнание власти есть ее разрушение. Поэтому власть всегда сопровождается риском ее потерять. Власть нуждается в оправдании, ей необходим поиск “причины”, “основания” собственной легитимности.

Связь понятий субъекта и власти анализируется в двух современных социальных теориях — в концепции “субъекта-власти-знания” М.Фуко и в концепции субъекции Дж.Батлер. Рассмотрим тезисно некоторые положения этих теорий и сравним их.

Собственную методологию исследования власти М.Фуко называет “аналитикой власти” и противопоставляет ее “классической теории власти”. Конкретной формой аналитики власти у Фуко является генеалогия, методологическая процедура, выявляющая взаимодействие и взаимообусловленность власти и знания. “Утверждение режима власти (его институциональное закрепление) сопровождается утверждением определенного типа знания над другими типами в иерархии идей” [Ноговицын, 2005: с. 14]. Эта взаимосвязь режима власти с определенным типом господствующего в социуме знания позволяет Фуко определять “режимы власти-знания”, разнообразие которых можно наблюдать в истории.

В философско-юридической (либеральной) концепции власти, которая, по мнению Фуко, была наиболее признанной как в философии политики Нового времени, так и в современном неолиберальном дискурсе, власть понимается по аналогии с собственностью как совокупность благ, которыми можно владеть, пользоваться и распоряжаться. В классической юридической концепции власти она рассматривалась как право, которым можно обладать как благом и в силу этого иметь возможность его передавать, отчуждать — посредством передачи права или на основе договора. В концепциях органицистов XIX века и, позднее, в концепциях структурных функционалистов XX века основной принцип власти — поддержание баланса сил в обществе, равновесия общества как системы. Такой образ власти основан не на идее конфликта, а на идее примирения различных политических сил ради общего блага — экономического развития и тем самым повышения конкурентной способности государства. Власть в этой концепции берет на себя функции арбитра в решении локальных конфликтов, она выступает от лица истины здравого смысла, которая объединяет все группы общества, и поэтому нужна всем. Властвующей

щая элита, при всех ее недостатках, выполняет свои основные функции — предохраняет общество от хаоса, способствует поддержанию социального порядка. Такая элита говорит и действует явно от лица универсального коллективного субъекта власти, который способен подняться над собственными интересами для блага всего общества. Такой субъект власти прекращает, а не развязывает войну внутри собственного общества.

Но наряду с таким дискурсом власти в западных обществах к XVII веку формируется альтернативный дискурс контрвласти. Этот новый дискурс — «дискурс о войне, понятой как постоянное социальное отношение, как неустранимая основа всех отношений и всех институтов власти» [Фуко, 2005: с. 66]. Появление этого дискурса Фуко связывает с эпохой, последовавшей после окончания гражданских и религиозных войн XVI столетия. «Дискурс вечной войны не является только грустным изобретением нескольких интеллектуалов, которые долго находились на обочине. В нем нашли себе место и великие мифические импульсы, и страсть народного реваншизма» [Фуко, 2005: с. 74].

Основные тезисы этого дискурса — «политическая власть не возникает в результате прекращения войны, общество, закон и государство воплощает собой как бы состояние перемирия, заключенного в ходе войны или появившегося в результате победы. Война — сам шифр мира. Мы находимся в постоянном состоянии войны, которая пронизывает все общество и определяет нашу принадлежность к тому или иному лагерю. Никто не может остаться нейтральным» [Фуко, 2005: с. 67–68].

Структура общества в таком дискурсе становится бинарной. Описанию общества как большой пирамиды, данному в средние века в философско-политических теориях Гоббса и французских органицистов, противопоставляется бинарная концепция общества. «Есть две группы, две категории индивидов, две противостоящие друг другу армии» [Фуко, 2005: с. 68]. Есть только перемирие в этой войне, основанное на временном балансе сил. Реальным завершением войны является только полная победа, уничтожение сил противника.

В контрдискурсе власти субъект перестает быть универсальным субъектом истины для всего общества, а становится субъектом борьбы, имеющей длительную историю. Борьба за право власти в этом случае — это борьба не за универсальное право для всех, а за право, укорененное в истории, лишенное юридической универсальности. Это право семьи, рода, нации, расы, право верховенства и первенства, право победоносных завоеваний. У такого дискурса нет единой философской истины, и стремление к ней невозможно. «Истина может раскрыться, только исходя из борьбы, искомой победы, в некотором роде на пределе выживания самого говорящего субъекта» [Фуко, 2005: с. 69]. В контрдискурсе власти проявляется глубокая связь между силой и истиной. Истиной становится не объективность, а четко выраженная позиция, эффективное оружие в столкновении сил. Субъект такой истины — субъект, выбравший на чьей он стороне воюет, а не философ, который предлагает общий закон, примиряющий противоборствующие стороны.

Вторая особенность этого нового дискурса — изменение позиции интеллекта, постулирование необходимости объяснения не сверху, а снизу. «Согласно данному дискурсу, именно взаимодействие физических сил, страстей и случайностей составляет постоянную основу истории и разных об-

ществ” [Фуко, 2005: с. 71]. На основе темного и кровавого шевеления массы выстраивается нечто хрупкое и поверхностное — хрупкая рациональность расчёта и стратегии, заставляющая на время “замолчать” войну. По мере подъема на вершину носителей такой рациональности она становится все более и более абстрактной, связанной с хитростью и злобой тех, у кого больше нет надобности вести открытую борьбу, потому что в этой борьбе они победили, и отношения господства благоприятствуют им.

Контрдискурс власти видит внизу социальной иерархии глубинную, постоянную иррациональность грубой и обнаженной правды жизни, а выше располагается хрупкая, непостоянная рациональность, всегда компромиссная и связанная с иллюзией и посредственностью. Таков образ общества в данном дискурсе войны. Отныне разум будет связанным с областью химеры, хитрости, ничтожества, а открытая грубость и обнаженная ярость становятся истиной. Такой дискурс — полная противоположность дискурсу права, в котором было стремление “отделить глубинную, постоянную, связанную со справедливостью и благом рациональность от всех поверхностных и насильственных актов, базирующихся на заблуждении” [Фуко, 2005: с. 72].

Контрдискурс власти формирует новый взгляд на историю. Разоблачается история королей и победителей, исчезает скрытое отождествление народа с его монархом, нации — с ее сувереном. Победа одних оборачивается поражением других — отсюда несколько историй, по крайней мере две — история победителей и история проигравших. Свет славы великих деяний меркнет перед лицом контр истории. “Она хочет быть дискурсом тех, кто не имеет славы, или тех, кто ее потерял и находится в области темноты и безмолвия” [Фуко, 2005: с. 86]. Контр история — это история безмолвного большинства в противовес истории подвигов королей и аристократии. Этот новый дискурс рассказывает не о победах, а о “поражениях, вследствие которых люди надолго гибнут, так что им остается ждать земли обетованной или осуществлений старых обещаний, которые на деле восстанавливают и прежние права, и потерянную славу” [Фуко, 2005: с. 86].

Власть, короли, законы скрывали факт своего происхождения из случайностей и несправедливости баталий. Несправедливые и представляющие интересы лишь отдельных слоев короли пытались заставить всех ценить себя, представляя себя защитниками блага всех. Отсюда — разоблачительная роль новой истории. Контр история — “не история непрерывности, а история разрывов, разоблачения тайн, обнаружение хитрости, нового присвоения извращенного или спрятанного знания” [Фуко, 2005: с. 88]. Образ общества, охваченного столкновением рас, превращается в матрицу всех будущих форм, с помощью которых позже будут выражать природу и механизмы социальной войны в дискурсах власти XIX и XX веков.

К концу XIX века дискурс легитимной власти предпринимает усилия по глубинным трансформациям дискурсов контр власти. Диалектика, с точки зрения Фуко, выполнила функцию захвата и перемещения рассматриваемого дискурса в старую область философско-юридического образа власти. “Диалектика — это усмирение с помощью философии и, может быть, политического порядка горького и пристрастного дискурса глубинной войны” [Фуко, 2005: с. 76].

Вторая трансформация контрдискурса власти — тема затушевывания конфликта победителей и побежденных и выдвижение на первый план кон-

фликта классового. Так формируется биолого-социальный расизм — “идея о том, что другая раса не пришла откуда-то, она постоянно и непрерывно проникает в социальный организм или она постоянно создается в социальной системе и из нее” [Фуко, 2005: с.77]. Происходит раздвоение одной и той же расы на сверхрасу и недорасу. В этом новом дискурсе находят воплощение все скрытые формы социальных антагонизмов между группами, когда одна группа рассматривает другую как факт вырождения нации. “Дискурс борьбы рас, который в момент своего появления и начала функционирования в XVII веке был, по существу, орудием борьбы для противостоящих лагерей, оказывается в центре и становится дискурсом власти централизованной и централизующей; дискурсом борьбы, которая ведется не между двумя расами, а внутри данной расы как подлинной и единственной борьбы тех, кто держит власть в своих руках и определяет норму, против тех, кто формируется через отношение к этой норме и представляет столько опасностей для биологического генотипа” [Фуко, 2005: с. 78].

Расизм присутствует в двух специфических стратегиях власти XX века. Одна — фашистская трансформация контрдискурса власти. Фашизм, особенно в варианте немецкого национал-социализма, стремился использовать народную и почти всю средневековую мифологию, чтобы вписать государственный расизм в идеолого-мифическую структуру народного дискурса. Нацистский государственный расизм сопровождался перформансом — факельные шествия, парады с использованием древней символики и форм классической архитектуры.

Противоположной фашистской трансформации является трансформация контрдискурса советского типа. Фуко считает, что это была скорее не демонстративно-театральная, а скрытая, не имеющая легендарной нацистской драматургии, зато в больших масштабах “сциентистская” трансформация. Революционный марксистский контрдискурс, который изначально был направлен на борьбу против классового врага, к 70-м годам XX столетия превращается в борьбу против диссидентов. Противники советской власти рассматриваются как больные, безумные, отклоняющиеся от нормы. Таким образом, расистская тематика становится орудием глобальной стратегии социального консерватизма в XX столетии. Это государственный расизм — “внутренний расизм, расизм постоянного очищения, который является одним из основных элементов социальной нормализации” [Фуко, 2005: с. 79].

Данная стратегия нормализации приводит к формированию нового типа власти в современном западном обществе. М.Фуко называет ее биовластью. Биовласть может рассматриваться как одна из форм дисциплинарной власти. Такая власть начинает использовать более тонкие и опосредованные механизмы влияния. “Власть функционирует в форме сети, и в этой сети индивиды не только двигаются, они постоянно находятся в положении тех, кто испытывает на себе власть, и тех, кто ее практикует. Они никогда не являются инертной мишенью власти или согласными с ней, они всегда являются ее посредником. Власть переносится индивидами, но не накладывается на них” [Фуко, 2005: с. 48].

В результате анализа разных дискурсов власти Фуко делает следующий вывод: либеральный дискурс, исходящий из примиряющей концепции власти-авторитета, действующей для всех групп в деле организации социального порядка, оказывается частично беспомощным перед лицом ярост-

ного контрдискурса власти. Либеральный дискурс опирается на идею универсального разума, выдвинутую философами Просвещения. Контрдискурс власти считает истину всегда частичной, относительной, завоеванной в неравной борьбе победителей и побежденных. Отсюда — существуют как минимум две истины — истина успеха и истина поражения, история и контристория. Оба типа дискурса находят диалектическое снятие в дискурсе биовласти — власти, опирающейся на идею нормы, которая определяется разными группами экспертов в медицине, психологии, педагогике, гигиене и т.д. Целью экспертизы является тестирование человеческого тела, человеческого поведения и его нормализация — адаптация к существующим в обществе представлениям о биологической, психологической и социальной норме. На пересечении разнообразных дискурсов и контрдискурсов формируется субъект. Фуко выступает против субъекта как метафизической данности и доказывает, что субъект представляет собой сложное образование, он формируется потоком дискурсов, среди которых мы живем, его конституирует политическая власть и институциональная власть и его собственное сопротивление им.

Дж.Батлер дополняет теорию субъекта-власти-знания М.Фуко. Она пытается установить, чем объясняется подсознательная готовность индивида подчиняться “оклику власти”, а также что впоследствии заставляет субъекта выходить из подчинения и действовать сознательно. Субъект рассматривается Дж.Батлер не как конечный результат социализации, а как амбивалентный процесс подчинения власти, осознание собственной зависимости и потребности нарушить запрет, выйти за пределы указанных властью границ. Таким образом получает дальнейшее развитие концепция интерпелляции Л.Альтюссера, в которой субъект не существует до тех пор, пока его не застигает “оклик власти”.

В теории субъекта идеологии Л.Альтюссера сцена “интерпелляции” как “оклика власти” дает частичное объяснение тому, как социальный субъект производится лингвистическими средствами. С точки зрения Дж.Батлер, “концепция Альтюссера, сама по себе нам полезная, остается ограниченной изнутри понятием централизованного государственного аппарата, того, чье слово есть его дело, построенного по модели божественной власти” [Батлер, 2002: с. 19]. В связи с этим понятие дискурса — невидимого, рассеянного, косвенного поля знания как власти, введенное в научный лексикон социальной теорией М.Фуко, переводит внимание исследователей от поиска института подавления к поиску условий свободы действия в рамках установленных дискурсивными практиками правил игры.

В теории М.Фуко власть, разлитая и рассеянная в поле дискурса, не производит субъекта согласно некоторой цели, поскольку цели никто не определяет; власть деперсонифицирована и обезличена. Отчего же происходит уязвимость субъекта перед такой властью? Дж.Батлер отвечает так: “Вынужденный искать признания своему существованию в категориях, терминах и именах, что не им созданы, субъект ищет знак своего существования вне себя, в дискурсе, который одновременно догматичен и индифферентен” [Батлер, 2002: с. 30]. Социальные категории означают для субъекта одновременно и субординацию, и существование. В самом же процессе субъективации ценой существования в поле дискурса становится субординация, потеря природного Я естественных желаний, но взамен получается соци-

альное Я субъекта социокультурного дискурса. Риск смерти соразмерен непреодолимости социального. Только налагая на себя маркировки социальности, ее категории классификации и термины, субъект удерживается в собственном бытии.

Но далее вступает в действие следующий этап процесса субъекции: будучи сформированным полем дискурса и власти, субъект обретает существование, обретает собственную социальную идентичность, пусть даже частично типизированную, но главное — обретает возможность действовать в поле дискурсивных практик. И здесь возникает первая точка разрыва поля власти дискурса, отсюда же — возможность свободы для субъекта. “Действие всегда превосходит власть, благодаря которой оно разворачивается” [Батлер, 2002: с. 26], иначе говоря, любое действие субъекта влечет за собой сеть непредсказуемых последствий, даже при условии, что цель и средства действия были выбраны из набора легитимных целей и средств. Выйти за пределы — не значит избежать влияния власти, и субъект выходит за рамки собственно того, с чем он связан. В этом смысле субъект не может преодолеть амбивалентность, которой он выстроен.

Второй точкой разрыва в поле власти становится желание субъекта выжить в современном обществе. “Если разрушение социального существования — это всегда некий вид смерти, может ли человек все же рисковать существованием, заигрывать со смертью и добиваться ее, — для того чтобы разоблачить и открыть для трансформации захват социальной властью условий продолжения жизни?” [Батлер, 2002: с. 36]. Может, если власть перестает выполнять функции защиты и охраны жизни субъектов от все возрастающих и часто неожиданных рисков. Та власть, которая обещала субъектам непрерывность существования, установление четкой идентичности и тем самым — надежность обитаемого пространства, была властью легитимной, поскольку пользовалась не насилием, а авторитетом.

Власть в современном обществе не только становится обезличенной властью дискурса, но и утрачивает легитимность, поскольку уже не может гарантировать субъектам устойчивости и несомненности их идентичности и повседневного мира. Легитимность любой власти была подвергнута сомнению и разрушена контрдискурсом власти, о котором речь шла выше. И хотя этот контрдискурс был “приручен” процедурами нормирования и экспертизы, которые проводит современная биовласть, все же свое дело он сделал — нарушил монополию легитимности и истинности существующей власти.

В заключение представлю тезисно диалектику взаимодействия субъекта и власти. Особенность становления субъекта состоит в том, что на первой стадии формирования он обязательно оказывается сначала подчиненным дисциплинарному дискурсу власти родителей, социума, традиций культуры. Субъект не существует до власти. Власть не только действует на субъекта, но, в переносном смысле, вводит субъект в действие. Власть, извне налагаемая на субъекта, является также властью, добровольно принимаемой самим субъектом — властью-авторитетом. Авторитет осознается как легитимная форма власти, ей подчиняются не только эмоционально, но и рационально. В то же время, насколько власть ограничивает свободу выбора, настолько же создает возможности для существования субъекта в пространстве дискурсов и контрдискурсов власти.

Субъект не формируется вне эмоциональной привязанности, он формируется в зависимости, и в ходе своего формирования он не “видит” этой зависимости вполне. Для того, чтобы произошло дальнейшее развитие ситуации субъективации, привязанность в своих первичных формах должна как осуществляться, так и не признаваться, ее осуществление должно заключаться в частичном непризнании — для того, чтобы возник субъект.

Одной из форм осознания собственной зависимости, началом второго этапа субъективации может стать обращение субъекта к собственному генезису, своеобразный взгляд на себя от третьего лица, отстраненная позиция в отношении своего Я и собственной социальной идентичности.

Для формирования осознанного состояния субъекта необходимо, чтобы он стал помехой собственным желаниям. Во-первых, желанию жить в подчинении. Во-вторых, желанию уничтожить себя, когда он осознает, что был сформирован другими, внешними обстоятельствами, которые крайне болезненно начинают им восприниматься. Если оба желания — подчинения и самоуничтожения — преодолеваются в жизненной практике, происходит разрыв, в момент которого появляется новая форма власти — власть субъекта над желаниями и действиями, осознанность поведения и отсюда — возможность преодоления ограничений, налагаемых дискурсом не только родительской власти, но и любой формы дискурса.

Власть становится уязвимой, когда она осознаваема. Это не означает избавление субъекта от власти, это означает использование себя как продукта истории влияния дискурсов власти, но использование уже в собственных, осознаваемых целях. Такое использование допускает разные возможности. Первая — максимальное использование потенциала свободы действия среди того диапазона, который считается легитимным с точки зрения существующего дискурса власти. Вторая возможность — влияние на дискурс власти, на действия власти и, в итоге, изменение власти. В этом случае субъект, сформированный дискурсом власти, освоивший и осознавший действие данного дискурса на самого себя и на других, оказывается способным менять социальную реальность, не становясь на точку зрения непримиримого революционного контрдискурса власти.

Источники

Батлер Дж. Психика власти: теория субъекции / Батлер Дж.; пер. с англ. — Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2002.

Вебер М. Типы господства / М. Вебер // *Личность. Культура. Общество.* — 2008. — Вып. 1 (40). — С. 31–48.

Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / Георгиевич В.Г. — М.: РОССПЭН, 2001. — 384 с.

Наговицын О.Н. Современные теории власти : текст лекции / Наговицын О.Н. — СПб.: ГУАП, 2005. — 40 с.

Фромм Э. Здоровое общество / Фромм Э.; пер. с англ. — М.: АСТ, 2011. — 448 с.

Фромм Э. Революция надежды / Фромм Э.; пер. с англ. — М.: АСТ: АСТ Москва, 2006. — 283 с.

Фуко М. Нужно защищать общество : [курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году] / Фуко М.; пер. с франц. — СПб.: Наука, 2005. — 312 с.